

Информация для цитирования:

Суслова Л. Н. Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке / Л. Н. Суслова, Е. В. Костецкая, В. А. Аксенова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 516—541. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-516-541.

Suslova, L. N., Kostetskaya, E. V., Aksenova, V. A. (2024). Government Policy towards Sectarians and Its Implementation in Tobolsk Province in 19th Century. *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 516-541. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-516-541. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке

Суслова Людмила Николаевна

orcid.org/0000-0002-2426-2967

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
корреспондирующий автор
lnsuslova@yandex.ru

Костецкая Екатерина Викторовна

orcid.org/0000-0002-1138-8157

кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории, права,
социально-экономических дисциплин
и методик преподавания
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Аксенова Валерия Александровна

orcid.org/0009-0002-5354-3343

исследователь
leraxenova@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Government Policy towards Sectarians and Its Implementation in Tobolsk Province in 19th Century

Lyudmila N. Suslova

orcid.org/0000-0002-2426-2967

PhD in History, Associate Professor
Department of History, Law,
Social and Economic Disciplines
and Teaching Methods
Corresponding Author
lnsuslova@yandex.ru

Ekaterina V. Kostetskaya

orcid.org/0000-0002-1138-8157

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Law,
Social and Economic Disciplines
and Teaching Methods
e.v.kosteckaya@utmn.ru

Valeriya A. Aksenova

orcid.org/0009-0002-5354-3343

Researcher
leraxenova@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен процесс формирования нормативно-правовой основы взаимоотношений государства с представителями религиозного сектантства, особенности политики Русской православной церкви по отношению к сектантству в Tobolsk губернии. Выполнен комплексный анализ опубликованных и неопубликованных архивных материалов. Выделены направления работы центральных и местных органов управления по предупреждению и пресечению деятельности сект, получивших распространение на территории Tobolsk губернии во второй половине XIX века. Обращение к судебнo-следственным делам и материалам периодической печати позволило оценить степень эффективности правительственных мероприятий на территории Tobolsk губернии в указанный период. Показано, что совершенствование законодательной базы было тесно связано со сбором сведений о вероучениях и обрядовой практике сектантов и уточнением типологии религиозного сектантства. Сделан вывод о том, что меры пресечения распространения сектантского вероучения сводились к применению наказаний в виде лишения всех прав состояния и ссылки сектантов в отдаленные районы страны (Кавказ, Западная и Восточная Сибирь). Следствием реализации комплекса антисектантских мер светских и церковных губернских органов управления явилось изменение обрядовой практики сектантов, затруднявшей властям способы выявления принадлежности к сектам. Это свидетельствовало о невысокой степени эффективности применяемых правительственных мер.

Ключевые слова:

сектантство; конфессиональная политика; Tobolsk губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of establishing the legal framework for the state's relations with representatives of religious sectarianism, focusing on the peculiarities of the Russian Orthodox Church's policy towards sectarianism in Tobolsk Province. A comprehensive analysis of published and unpublished archival materials is conducted, highlighting the efforts of central and local governing bodies to prevent and suppress the activities of sects that had spread in Tobolsk Province during the second half of the 19th century. By examining judicial records and periodical publications, the effectiveness of government measures in Tobolsk Province during this period is evaluated. It is demonstrated that improving the legislative basis was closely linked to gathering information about the beliefs and ritual practices of sectarians and refining the typology of religious sectarianism. The conclusion is drawn that measures to curb the spread of sectarian doctrines involved imposing penalties such as deprivation of all rights and exile of sectarians to remote regions of the country (Caucasus, Western and Eastern Siberia). The implementation of a comprehensive set of anti-sectarian measures by secular and ecclesiastical provincial governing bodies resulted in changes to the ritual practices of sectarians, making it difficult for authorities to identify sect affiliations, indicating a low level of effectiveness of the government's actions.

Key words:

sectarianism; confessional policy; Tobolsk Province.

Правительственная политика по отношению к сектантам и ее реализация в Тобольской губернии в XIX веке

© Суслова Л. Н., Костецкая Е. В., Аксенова В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Многонациональный состав и поликонфессиональная структура Российского государства исторически предопределили богатство ее духовной истории. Изучение разнообразных аспектов религиозных процессов вызывает в настоящее время интерес исследователей многих областей научного знания: историков, философов и религиоведов, социологов и политиков, юристов. Анализ и обобщение российского опыта взаимодействия государства, религиозных организаций и общества способствуют созданию действенных, эффективных мер в сфере укрепления гражданского согласия в российском социуме. Актуальным представляется и региональный аспект исследования религиозной жизни российского общества.

Одним из элементов конфессиональной структуры Российской империи являлось религиозное сектантство, которое долгое время преследовалось за изменения традиционного христианского вероучения и официально утвержденной практики богослужения. В современных исследованиях по избранной теме в сектантстве как религиозном движении нестарообрядческого типа выделяют два направления: мистическое (мистико-экстатическое) и рационалистическое (движения протестантского типа) [Коновалов, 1908; Кориков, 2011]. Необходимо уточнить, что в рассматриваемый период светские и церковные органы власти видели в сектантстве две разные по происхождению группы христиан: с одной стороны, ряд радикальных направлений, близких к беспоповским старообрядческим толкам и соглашениям, с другой — пришедшие в Россию варианты европейского протестантизма.

Статистические сведения уездных и волостных правлений, отчеты тобольских губернаторов в Министерство внутренних дел свидетельствуют о наличии на территории Тобольской губернии во второй половине XIX века последователей скопчества, христововерия, духоборчества, штундистов, немоляков, субботников, баптистов, адвентистов, молокан, меннонитов. Проведенный анализ данных этих источников позволил выявить рост числа сектантов на протяжении второй половины XIX века со ста восьмидесяти двух

человек в 1855 году до одной тысячи четырехсот семидесяти трех человек в 1913 году. Заметим, что почти десятикратное увеличение сектантов за половину столетия также может быть следствием совершенствования способов выявления сектантов и методов сбора местными светскими и церковными властями статистических данных [Сулова, 2017, с. 203].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение истории правительственной политики по отношению к сектантам ведется практически одновременно с ее проведением. К данной теме обращались как церковные, так и светские исследователи. Богословский подход представлен трудами Т. И. Буткевича [Буткевич, 1910], В. В. Розанова [Розанов, 1914]. Авторы подробно рассмотрели историю появления отдельных сект, распространенных на территории Российской империи, выявили их догматическую и вероучительную специфику. Работы указанных авторов отличает описательный подход, поскольку они не ставили своей целью представить полное и всесторонне исследование сектантства.

В условиях активизации в 1880—1890-е годы миссионерской деятельности Русской православной церкви практическую значимость имели пособия П. П. Оболенского, Л. А. Рождественского и О. П. Новицкого, посвященные специфике вероучения отдельных сект и призванные оказать помощь православным священнослужителям в их противосектантской миссии. Эта целевая установка предопределила субъективизм в оценках авторов [Оболенский, 1903; Южнорусский штундизм ..., 1889; Новицкий, 1882]. П. С. Смирнов в монографии, посвященной истории старообрядчества, рассматривая законодательную политику правительства Александра II по отношению к расколу, обратил внимание на деятельность комиссий Панина (1864 год) и Лобанова-Ростовского (1870 год), призванных пересмотреть прежнее законодательство о раскольниках и сектантах [Смирнов, 1893].

Работы церковных авторов, посвященные сектантству Западной Сибири, и в частности Тобольской губернии, начинают появляться с 80-х годов XIX века. Труды Л. Соловьева, Г. Шореца [Соловьев, 1909, с. 497—498; Шорец, 1915, с. 698—706] содержат ценные сведения о появлении и распространении сектантов в регионе. При написании работ авторы использовали архив Тобольской духовной консистории, часть дел которого не сохранилась. Они пытались показать сектантство как «вредное» явление, которое необходимо искоренять путем административно-полицейских мер. Данная позиция церковных деятелей усилилась после объявления свободы вероисповедания 17 апреля 1905 года и широкого развития сектантства в регионе.

В конце XIX — начале XX веков выходят работы историка-марксиста В. Д. Бонч-Бруевича, этнографа и публициста А. С. Пругавина [Бонч-

Бруевич, 1909; Бонч-Бруевич, 1911; Пругавин, 1905; Пругавин, 1906]. А. С. Пругавина интересовали правовые, экономические и бытовые аспекты быстрого развития религиозной оппозиции. В его работах мы находим интересный материал, полученный им в результате посещения мест проживания сектантов и контактов с ними. Ценность работ В. Д. Бонч-Бруевича заключается в создании и применении на практике специальной программы исследования хозяйственной и обрядовой жизни сектантов-баптистов, штундистов, молокан и др.

В советский период историки, занимавшиеся изучением сектантства, рассматривали его как специфическую форму антифеодального протеста. В работе Н. М. Никольского «История русской церкви» подробно проанализированы причины появления сектантства, выявлены те слои, которые стали их социальной опорой, а также охарактеризовано распространение различных сект в России [Никольский, 1983].

Большой вклад в изучение истории сектантства во второй половине XIX — начале XX веков внес А. И. Клибанов. В работе «История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917 год)» автор подробно рассмотрел распространение, экономическое и социальное положение рационалистического сектантства на территории Российской империи. Характерным для работ советского периода является утверждение А. И. Клибанова, что сектантство в России не являлось чисто религиозным. Зародившись в XVIII веке сектантские общины к середине XIX века превращаются в социальные общности, в пределах которых развиваются буржуазные отношения и, как следствие этого, классовая борьба [Клибанов, 1965].

С начала 1990-х годов наблюдается активизация научного интереса к избранной теме. Государственная политика по отношению к раскольникам во второй половине XIX — начале XX веков рассмотрена в монографии О. П. Ершовой [Ершова, 1996]. Основные проблемы в выработке и реализации конфессиональной политики государства и церкви по отношению к сектантству в XVIII—XIX веках исследованы В. Ю. Далецкой [Далецкая, 2005]. Отдельные аспекты религиозной политики государства затронуты в статьях П. Ю. Мельникова [Мельников, 2006]. Представляет интерес диссертационное исследование А. В. Тонконогова, посвященное рассмотрению истоков и сущности современного сектантства как социального феномена. Автор приходит к справедливому, на наш взгляд, выводу, что «распространение сектантства в современной России связано с кризисом в духовной жизни общества и отсутствием общегосударственной национальной политики» [Тонконогов, 2004].

Научный интерес к проблемам изучения исторических причин возникновения, классификации и сущности сектантства в последние годы под-

тверждается рядом диссертационных исследований А. Г. Бермана, И. Ю. Гагариной, Д. Г. Корикова, В. А. Плоткина, Т. С. Оленич, проведенных как на общероссийской современной источниковой базе, так и на региональных материалах Среднего Поволжья, Южного Урала [Берман, 2006; Гагарина, 2011; Кориков, 2011; Оленич, 2005]. В этот период появляются работы историков, занимавшихся изучением религиозной ситуации и поликонфессиональной структуры Западной Сибири и Тобольской губернии. Однако проблему сектантства исследователи либо не затрагивали, либо ограничивались высказываниями о его малочисленности. Таким образом, историографический анализ избранной темы позволяет заключить, что исследование сектантства в территориальных границах Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX веков до настоящего времени не предпринималось.

Наиболее эффективными методами для авторов исследования стали научные принципы системности, историзма, а также историко-сравнительный и историко-юридический методы, позволившие системно рассмотреть комплекс правительственных и церковных мероприятий по отношению к сектантам. Духовная и политическая жизнь общества исследуется комплексно, во взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Правительственная политика по отношению к сектантам рассматривается в эволюционном развитии.

Круг источников по истории правительственной политики в отношении сектантов на территории Тобольской губернии включает законодательные акты центральной светской и духовной властей, распоряжения местных органов управления, делопроизводственные, главным образом судебно-следственные документы и отчеты православных миссионеров, учетные и статистические материалы, материалы периодической печати.

К законодательным источникам относятся нормативно-правовые акты, которые регулировали функционирование религиозных сект, определяли правовой статус сектантов, цели и содержание конфессиональной политики правительства [ПСЗ РИ, 1830—1884; Российское законодательство ..., 1988; Устав о предупреждении ..., 1857]. Нормативные акты центральных органов гражданской власти, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и фондах Государственного архива г. Тобольска, дают представление о правовом положении сектантов на территории всей империи. Документы местных органов управления позволяют выявить специфику в процессе реализации вероисповедного законодательства в отношении сектантов на территории Тобольской губернии. Большинство высочайших и сенатских указов, министерских циркуляров содержится в фонде общего губернского управления архива г. Тобольска [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152]. Вторую группу источников составляют

делопроизводственные материалы: переписка с департаментом духовных дел, внутренние просительные документы, отчеты епархиальных священников, полицейских управлений, судебно-следственные дела. Данные источники позволяют проследить процесс реализации конфессиональной правительственной политики на территории Тобольской губернии. Указанная группа источников представлена в основном неопубликованными материалами, извлечёнными из фондов РГАДА, и документами Тобольского общего губернского управления, Тобольской духовной консистории Государственного архива в г. Тобольске [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152, и156]. Неопубликованные материалы сохранились в фондах Тобольского общего губернского управления, Тобольского статистического комитета и Тобольской духовной консистории [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. и152, и156, и417]. Ценность данного вида источников заключается в возможности определить динамику численности сектантства в регионе на протяжении второй половины XIX века, территории распространения разновидностей религиозного сектантства и его основные центры. Можно заключить, что источники, привлеченные для анализа формирования комплекса правительственных мер по отношению к сектантам второй половины XIX века и их реализации в рассматриваемом регионе, отличается полнота и репрезентативность содержащейся в них информации. По сравнению с предшествующим периодом их отличает количественное и качественное разнообразие, что свидетельствует об изменении отношения центральных и местных властей к этому социально-религиозному феномену.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Правовое положение сектантов в 1850—60-е годы

Правовой статус сектантов в Российской империи долгое время оставался неразработанным, тем не менее накопленный с XVII века значительный комплекс актовых источников требовал упорядочения и систематизации. Предпринятая Вторым отделением Собственной Его Императорского величества канцелярии кодификация российского законодательства привела к систематизации нормативно-правового материала о старообрядцах и сектантах. К середине XIX века основу правительственной политики по отношению к сектантам составляли указы и распоряжения, вошедшие в состав пятнадцатитомного Свода действующих законов Российской империи, вступившего в силу 1 января 1835 года. Последующие законоположения вошли во второе и третье издания Свода 1842 и 1857 годов [Российское законодательство ..., с. 160—161]. Большая часть правовых норм о сектантах была включена в третий раздел XVI тома Свода законов под названием «Устав о предупреждении и пресечении распространения расколов и ересей между

православными» [Устав о предупреждении ..., 1857]. Таким образом, регламентирование положения сектантов в империи по месту в системе российского права и содержанию норм носило уголовно-правовой характер и рассматривалось в неразрывной связи со старообрядчеством.

К началу второй четверти XIX века правительство обязало губернские власти ежегодно составлять «ведомости о числе раскольников разных сект» и отправлять их в Министерство внутренних дел. Сбор интересующей информации рекомендовалось проводить по трем группам: а) молокане, духоборцы и иконоборцы, б) субботники, в) последователи мистических сект. Н. В. Варадинов отметил, что данная классификация отразила стремление выделить сектантов по степени опасности для государства. В меньшей степени власти интересовались особенностями религиозных взглядов сектантов [Варадинов, 1863, с. 75].

К началу 1830-х годов изучение правительством вопроса церковного раскола и сектантства, результатов применяемых мер привело к выводу о том, что проводимая ранее по отношению к раскольников политика имела достаточно мягкий характер, в результате чего являлась неэффективной. Законотворческая работа второй четверти XIX века была направлена на разработку нового правового основания, ограничительно-запретительного и карающего характера, направленного на искоренение существующего раскола через его интеграцию в систему официального православия.

Рассмотрим особенности законодательной базы, сформированной ко второй половине XIX века и регулирующей взаимоотношения государства с сектантами. Основным регулятором взаимоотношений раскольников и государственной власти было положение, принятое еще 17 июня 1667 года и без изменений вошедшее в статью 60 Устава о предупреждении и пресечении преступлений Свода законов издания 1857 года [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 60, с. 18]. Согласно статье 60, раскольники не преследуются за мнение их о вере, но им запрещается «совращать или склонять кого-либо в раскол <...> чинить какие-либо дерзости противу православной церкви» или священнослужителей и вообще уклоняться от законных правил. Необходимо отметить противоречивость данного положения, что выразилось в отсутствии конкретности в толковании понятий «совращать и склонять в раскол», «чинить дерзости противу православной церкви» или «уклоняться от общих правил благоустройства» [Там же]. Это не могло не отразиться на правоприменительной практике. Таким образом, по мнению законодателя, право следовать той или иной вере сводилось лишь к фактам внешнего подтверждения какими-либо действиями своей принадлежности к вероучению.

Статьи 61 и 62 (по Своду 1842 года и 1857 года) содержат положение, по которому раскольников запрещалось строить или «переделявать» мо-

литвенные дома. В 1842 году было внесено дополнение, согласно которому молитвенные здания, построенные до 17 сентября 1826 года, разрешалось оставить без изменений, но впредь не разрешалось строительство новых, а также переделка и возобновление старых зданий.

В Устав о пресечении и предупреждении преступлений вошли также указы, регулирующие действия местных властей по отношению к сектантам на местах (ведение метрических книг, действия духовных и гражданских властей в отношении раскольников). В обязанность местной полиции (городской, земской и сельской) вменялся учет численности «иноверцев», ведомости подавались ежегодно гражданскому начальству [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 64, 67, с. 19].

Анализ законодательства позволяет заключить, что для контроля за состоянием раскола и сектантства на местах в Российской империи существовала определенная двухступенчатая система: нижнюю ступень занимала духовная власть, верхнюю — гражданское начальство. Данная система функционировала следующим образом: священники доносили епархиальному начальству о положении дел на местах с описанием своих действий и получали от него наставления «в сем важном предмете служения его». Епископ мог оказать представителям духовенства «пособие сношением с гражданским начальством» [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 74—76, с. 20], но только в случае возникновения угрозы «к внешним доказательствам ереси и к действиям, могущим производить соблазн», а также оскорбления в адрес церкви. Следует отметить, что в законе отсутствует точная характеристика действий гражданского начальства по отношению к раскольникам. Это давало им возможность применять и действия физического принуждения.

78, 79 и 81 статьи носили дискриминационный характер. Первая содержит требование, согласно которому выбранные к общественным должностям лица предварительно давали «подписки» в том, что они не принадлежат ни к одной из раскольнических сект и скопчеству. За выявленный факт сокрытия принадлежности к расколу последователи особенно вредных сект подлежали ссылке из внутренних губерний в Закавказский край, а из него и Ставропольской губернии в Сибирь. При этом для скопцов мера наказания была иной. Они подлежали ссылке в Восточную Сибирь с «поручением строжайшему надзору» гражданского начальства [Устав о предупреждении ..., примечание к ст. 78, 1857, с. 22]. Для духоборцев, иконоборцев, молокан, иудействующих сделана оговорка: они не могут занимать общественные должности «с правом власти и начальства... там, где есть православное население» [Устав о предупреждении ..., 1857, с. 22—23]. Закон был принят 31 декабря 1842 года. Таким образом, в статье 79 видно,

что правовое положение последователей сектантских учений было различным. В соответствие с 81 статьей запрещалось приписываться к городским обществам в Бессарабской области и пограничных западных губерниях раскольникам всех сект и согласий.

На результат законодательных и распорядительных мероприятий правительства оказала существенное влияние проведенная Министерством внутренних дел работа по сбору и анализу сведений об особенностях вероучения и распространения ряда сект на протяжении второй четверти XIX века. Эта аналитическая работа позволила разработать классификацию раскольников и сектантов. Все существующие на территории империи старообрядческие согласия и сектантские толки были разделены на три категории:

- «повреждающие веру», но наименее опасные в гражданском отношении последователи старообрядческих согласий, принадлежавших к поповскому направлению;

- «особенно вредные» раскольники беспоповского направления, признающие молитву за царя и церковный брак;

- «изуверные», учение которых сопряжено с проявлением крайнего фанатизма, к которым отнесены все секты и последователи беспоповского направления старообрядчества, не приемлющие молитву за царя и отказывающиеся от заключения брака [Варадинов, 1863, с. 225].

Таким образом, основным критерием, которым руководствовалась власть при распределении сект, являлись не их догматические убеждения, не суть и особенности вероучения, а степень «опасности» религиозной оппозиции государству. Отсутствие четких формулировок, по которым происходило деление сект на категории, давало возможность по-разному трактовать те или иные положения. Так, например, в законе не объяснялось понятие «противонравственные гнусные действия». Также следует отметить, что власть смотрела на данное явление довольно поверхностно и не стремилась объяснить исходные причины и исторические условия отхода населения от православия. При таком подходе власть не делала различия между старообрядцами и сектантами, что нашло отражение в данной классификации и разработке законодательства.

Общими для всех сект являются положения статей 72, 73 и 77. Им запрещалось заводить и распространять свою веру среди населения (только православного). В свою очередь, последние должны были доносить об основателях и распространителях сектантского вероучения гражданскому начальству. Раскольникам и сектантам запрещались «хула и насмешки» в адрес православной церкви и вообще «всякое действие при христианине, противное его вере». Эти действия законодательство определяет как «со-

блазн» к вовлечению православного человека в свою веру. Раскольники также не имели права внешне проявлять свою принадлежность к какой-либо секте (колокольный звон, громкое пение, ношение особенной одежды) и давать повод к «соблазну для православных».

Последователям сект, отнесенных к «особенно вредным», запрещалось принимать к себе в семейство детей православной веры. За распространение сектантского учения и вовлечение новых адептов, а также за обвинение и изобличение «в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви» и православного духовенства предписывалось сектантов предавать суду [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 77, с. 21].

В отдельную группу можно отнести законы, ограничивавшие действия секты жидовствующих [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 84—86, с. 23—24]. Им запрещалось следующее: для перемещения по территории Российской Империи выдавать паспорта, как и скопцам; принуждать малолетних детей к совершению обрядов по своим правилам. Евреям запрещалось находиться в уезде, где существует секта жидовствующих. Если этот закон был нарушен, то евреев и «давших им приют» подвергали заключению в тюрьму или денежному взысканию.

Законодательство Российской империи предусматривало не только предотвращение и пресечение преступлений в сфере религиозных отношений среди населения, но и наказание за них. Этому были посвящены нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Проект «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» был утвержден Николаем I 15 августа 1845 года и вступил в силу 1 мая 1846 года. Вторая часть «О преступлениях против веры и о нарушениях ограждающих оную постановлений» Уложения содержала в себе законы о «ересях и расколах» и являлась продолжением Устава о предупреждении и пресечении преступлений [Уложение о наказаниях ..., 1845, с. 57—60]. Главное отличие между этими правовыми источниками состояло в том, что первый носил запретительный характер, второй определял меру государственного воздействия по отношению к лицу, совершившему преступление.

Наказанию подвергались «лица православного исповедания, уклоняющиеся от исповеди и причащения св. тайн, по нерадению или небрежению», а также «родители, не приводящие к исповеди детей своих, достигнувших уже положенного на сие возраста (начиная с семи лет)» [Там же, ст. 219, с. 78]. На данном примере мы видим, что в этот исторический период приверженность к официальной религии является не правом, а обязанностью для населения Российской империи, и поэтому государство в вопросе защиты православия действовало совместно с Русской православной церковью, а иногда и вместо нее. Статья 220 в качестве наказания

предусматривала «особое внушение» от духовного начальства и замечания от местных гражданских властей [Там же, 1845, ст. 220, с. 78].

Наказанию подлежали как проступки, совершенные ввиду недобросовестности и небрежности населения, так и более серьезные преступления, которые рассматривались со всей обстоятельностью. Согласно закону, сектанты изначально приравнивались к преступникам. Так, в статьях 190—196 был установлен запрет на переход из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания. Наказание предусматривалось не только для лиц, отказавшихся от официальной религии, но и для тех, «кто знал, что жена его или дети, или другие лица, за коими ему предоставлено законом наблюдение и попечение, намерены отступить от православного вероисповедания». Старообрядцы поповского и беспоповского направлений не преследовались за принадлежность к расколу и за совершение богослужения и духовных треб по своим обрядам, если таковые не были запрещены законом [Там же, ст. 190—196, с. 71].

Группа статей (ст. 196, 197 и 200) Уложения устанавливала наказание за распространение и заведение новых «ересей», а также «сворачивание» православного населения. За данное преступление раскольники подлежали лишению всех прав состояния и ссылке в Закавказский край, Сибирь или «отдаленнейшие оной места». Последователи сект, признанных «особенно вредными», подлежали также ссылке, но для «водворения особо от других поселенцев и старожилов». Скопцы всех регионов империи, обрядовая практика которых предусматривала физическое «свиноепое изуверство», а также фанатичное «посягательство на жизнь» свою или других, должны были ссылаться в Восточную Сибирь с «поручением их строжайшему надзору» гражданского начальства. Если распространение «лжеучения» сектантами сопровождалось насилием «или другими увеличивающими вину обстоятельствами», то они подлежали лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в рудники сроком от 12 до 15 лет. Также последователи «особенно вредных» сект наказывались за утаивание своей принадлежности к такой секте при приписке к городам или на выборах в общественные должности и за наем вместо себя в рекруты православных людей. Для скопцов мера наказания была увеличена за данное преступление [Уложение о наказаниях ..., 1845, ст. 196, 197, 200, с. 68—71].

Для того чтобы избежать притворного раскаяния со стороны сектантов, государство вводило суровое наказание. Безвозвратная ссылка и лишение всех прав состояния предусматривались тем лицам, которые повторно отказывались от официального православия.

Статьи 201 и 202 были направлены против распространения скопчества. Так, для них было определено наказание за оскпление «других по

заблуждению и фанатизму» или самого себя. В первом случае предусмотрена ссылка на рудники, в последнем — в Восточную Сибирь [Там же, ст. 201—202, с. 71].

Таким образом, с позиции государственных властей проблема раскола и сектантства в Российской империи существовала как временное явление, которое наносило серьезный ущерб официальному православию. Этим и объясняется ограничительно-запретительный и карающий характер правовой системы, которая была ориентирована на то, чтобы искоренить или уничтожить данную проблему.

Следует отметить, что законодательная система второй четверти XIX века четко определила статус сектантов. За приверженность к «своей» вере они считались преступниками. Однако мера их преступления и наказания были разными. Так, например, отчетливо видно, что законодательство разделяет все секты на «особенно вредные» (духоборцы, молокане, жидовствующие и иконоборцы) и те, которые в своем учении используют насилие. Но в законодательстве не было указано, кого именно относить к последней группе. Особенно сурово преследовались скопцы, так как основой их учения было телесное «изуверство» — оскотечение.

Отсутствие четких формулировок в законодательной системе являлось следствием возникновения большого количества спорных ситуаций между сектантами и исполнительными и судебными органами. Издавая законы, верховная власть не могла спрогнозировать результаты реализации принятых мер на местах. В результате многие из них были малоэффективны и не могли остановить распространения сектантства. Главная роль в борьбе с сектантством принадлежала гражданской власти, мало сведущей в вопросах религиозной догматики. Она занималась государственными вопросами (сбор информации, сыск, расследование преступлений, суд и т. д.). Дела, связанные с религиозными отношениями, возлагались на духовенство (вразумление, наставление на путь истинный).

3.2. Деятельность правительственных комитетов 1864 и 1875 годов

Ко второй половине XIX века правительством был накоплен разнообразный материал по истории и современному состоянию старообрядчества и сектантства в империи, что позволило определить степень опасности сект по отношению к официальной религии и государству, а также разработать комплекс законодательных мер, направленных на борьбу с сектантами. В обстановке готовящихся реформ 1860-х годов все большее количество общественных деятелей выступали за либерализацию правительственной политики в отношении сектантов. В том числе высказывалось мнение о недопустимости уголовного преследования людей за их взгляды. Данные обстоятельства послужили началом нового этапа

антисектантской политики государства и побудили правительство к поиску новых способов борьбы с противниками православия.

В законах, принимаемых правительством Александра II, прослеживается попытка привлечь сектантов к православной церкви путем предоставления обращающимся в православие некоторых уступок. В январе 1858 года был издан закон, согласно которому раскольники и сектанты за исключением скопцов, проживающие в Западной Сибири и выразившие согласие обратиться из раскола в православие, получали трехлетнюю льготу от уплаты податей и освобождались от надзора полиции [ПСЗ РИ, 1858, т. XXXIII, № 32699, с. 24]. Также им было предоставлено право «переходить» в городские и сельские общества без согласия на то последних. Своеобразной уступкой в отношении последователей «особенно вредных» сект (за исключением скопцов) можно считать указы, согласно которым им разрешалось приписываться к городским и сельским обществам в «пограничных западных губерниях» и к городским обществам «вновь открытых» городов Приамурского края [ПСЗ РИ, 1800, т. XXXV, № 35910, с. 762, 1863, т. XXXVII, № 40334, с. 265]. Приписка в этих регионах расширила права раскольников, однако такой шаг был предпринят не из лояльного отношения правительства к сектантам. В западных губерниях империи, где проживало значительное число населения неправославного христианского вероисповедания, раскольники и сектанты составляли единственный элемент русскоязычного населения. В данном случае вопрос государственной стабильности занимал приоритетное положение, что в определенной степени повлияло на конфессиональную политику.

Неспешность местной губернской администрации в решении проблемы сектантства можно объяснить незавершенностью работы по формированию правительственного курса, на который должны были ориентироваться учреждения, занимавшиеся делами раскольников и сектантов. В 1858 году был образован Секретный комитет для обсуждения вопросов и выработки «новой системы действий» в религиозном вопросе. Александр II выделил три проблемы, требующие немедленного обсуждения и решения: 1. Отсутствие специальных исследований и статистических данных по расколу, что порождает неправильное о нем суждение; 2. Неправомерно широкий круг действий Секретного комитета; 3. Необходимость ведения раскольничьих дел общим порядком, предписанным для всех подданных императора.

В результате обсуждения Секретный комитет постановил: «1. Предоставить министру внутренних дел сделать распоряжение о составлении в скорейшем сколь возможно времени: а) подробного и по возможности полного изложения догматического учения разных раскольничьих сект... б) собрание числовых данных о раскольниках разных сект... 2. Предоставить Секретному

комитету обсуждение общей системы действий правительства в отношении к расколу. 3. Дела законодательные по расколу вносить в Государственный Совет после подготовительных работ в самом Комитете, высшие административные в Комитет министров, а судебные производить установленным в законе 10 июня 1853 года порядком...» [Ершова, 1996, с. 135].

В 1860-е годы большое внимание уделяется развитию системы образования в Российской империи как важной мере просвещения населения и снижения привлекательности раскола и сектантства. Так, постановлением от 4 ноября 1863 года [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVII, № 40215, с. 164—165] были внесены изменения в статью 75 Свода Законов, в которой шла речь о вразумлении православных, совратившихся в раскол. До 1863 года данная статья предусматривала назидательную работу духовенства: вначале местными приходскими священниками, затем епархиальным начальством через тех же священников. Если принятые меры не приносили должного результата, то с совратившимися проводил «увещания» сам архиерей в духовном правлении или консистории. Отдельно оговаривались меры воздействия в отношении совратителей. Вся эта сложная система действия была отменена, и статья 75 приобрела следующее содержание: «Православные, в случае совращения в раскол, назидаются, по усмотрению духовного начальства, в истинной вере и увещаются через местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых епархиальным начальством. Но такие увещания и назидания производятся без отвлечения от места жительства и обыкновенных трудов и занятий» [Устав о предупреждении ..., 1857, ст. 75, с. 20].

Важная роль в проведении антисектантской правительственной политики в виде усиления мер «духовно-нравственного влияния» возлагалась по-прежнему на центральные и местные церковные органы управления. Отмечалось, что «при ныне царствующем Государе Императоре дана полная свобода совести и раскол больше не преследуется, за исключением лишь только тех сект, которые идут вразрез с физиологией и началами нравственности». «Земским полициям в их сношениях с раскольниками, Тобольскими губернаторами предписывалось в каждом частном случае действовать обдуманно и с величайшей осторожностью. Епархиальное начальство со своей стороны предлагало сельскому духовенству действовать на раскольников в духе кротости и по возможности убеждать их словами...» [Римский, 1996, с. 43]. Делу просвещения должны были служить и многочисленные братства, которые в это время создавались в крупных городах.

Подготовка и проведение военных реформ с начала 1860-х годов также затронули положение сектантов. В частности, статья 20 манифеста «О произведении в 1863 году рекрутского набора с обеих полос империи» разрешала последователям «особенно вредных» сект, к которым были отнесены мо-

локане, духоборцы, иконоборцы, иудействующие, скопцы, нанимать за себя в рекруты людей (охотников), а также покупать зачетные рекрутские квитанции «наравне с прочими сословиями» [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVIII, № 39799, с. 706—710]. До этого сектанты не могли нанимать за себя в рекруты не принадлежащих к их вере людей, а покупка зачетных рекрутских квитанций была запрещена. В этом же году были упорядочены действия военного начальства в случае обнаружения раскольников в регулярных сухопутных и морских войсках. Военному начальству, которое должно было действовать «единодушно» с духовным, предписывалось следить за раскольниками, дабы они не распространяли своего учения [ПСЗРИ, 1863, т. XXXVIII, отд. II, № 39766а, п. 1—2, с. 8]. В случае обнаружения факта совращения православного в свою веру необходимо было производить формальное следствие, а «совратителя» предать суду. Судебные дела окончательно должны были утверждаться генерал-аудитором. Данные правила относились к тем случаям, когда распространение своих идей раскольниками среди православных было совершенно точно установлено. Если же «совратитель действует тайно, но начальство в этом убеждено», тогда его необходимо было перевести в другую часть (на Кавказ или в отдельные Сибирский или Оренбургский корпуса) и передать священнику [Там же, п. 4, с. 9]. В случае, если священник установит факт отпадение от православия, «совратитель» должен был предстать перед военным судом [Там же, п. 10, с. 10].

В 1864 году вышел закон, по которому, «солдатские дети молоканской секты» должны быть исключены из военного ведомства. Находящиеся же на военной службе в день обнародования манифеста 26 августа 1856 года могли подать «просьбы» на исключение их из службы. Исключенные из военной службы дети молокан отдавались не родителям, «состоящим в расколе», а на попечение «посторонних благотворителей Православного вероисповедания» [ПСЗРИ, 1864, т. XXXIX, отд. II, № 41603, с. 543—544].

Несовершенство типологии сектантства, отсутствие различий в правовом статусе последователей старообрядческих согласий беспоповского направления и сектантов-мистиков попытался устранить образованный весной 1864 года правительственный специальный комитет под руководством графа В. Н. Панина [Суслова, 2017, с. 205—206]. Граф предложил разделить секты на две категории — более и менее вредные [Смирнов, 1893, с. 225]. Следует отметить, что в данном случае В. Н. Панин основным критерием деления назвал не только отношение раскольников к государству и общественной жизни, но и их религиозные убеждения, противоречащие православной церкви (признание Иисуса Христа, таинств). В зависимости от степени вредности тех или иных сект законодательством были установлены определенные «послабления». Анализ «извлечений» из журнала за-

седаний Комитета, приведенных в сочинении В. И. Ясевич-Бородаевской, позволяет заключить, что Комиссия предлагала наделить последователей менее вредных сект такими гражданскими правами, как перемещение внутри империи, замещение общественных должностей, занятие различными видами деятельности. Помимо прав предоставлялась и религиозная свобода, которая могла быть реализована в виде закрытых религиозных собраний и богослужений [Ясевич-Бородаевская, 1912, с. 11—19]. Выводы комиссии были рассмотрены московским митрополитом Филаретом и 16 августа 1864 года получили одобрение императора [Ясевич-Бородаевская, 1912, с. 11]. Однако изменение правового статуса сектантов потеряло свою значимость на фоне проведения военной, судебной и других реформ.

Из всех предложений комиссии В. Н. Панина спустя десять лет получил юридическую силу только закон о регистрации раскольничьих браков от 19 апреля 1874 года. Прежние нормы Свода гражданских законов разрешали следующее: «Брак правоверных с раскольниками допускается не иначе как по принятии сими последними Церкви святой соединения с присягой». Венчание в православном храме для раскольников не только являлось важным и необходимым обрядом для заключения брака, но и означало факт перехода от «неверной» религии к официальному православию. Требование смены веры становилось непреодолимым препятствием для многих последователей сект и делало факт присоединения к православной церкви фиктивным. Согласно закону 1874 года «...раскольники, записанные в сказках X ревизии (1857 г.) мужем и женою, признаются состоявшими в законном браке супругами...» [ПСЗ РИ, 1874, т. XLIX, № 53391, § 2, ст. 1, с. 652]. Раскольничьи браки признавались законными и приобретали юридическую силу посредством записи в специальных метрических книгах. Ведение записей возлагалось на гражданские власти, а «...исполнение соблюдаемых между раскольниками брачных обрядов ведению полицейских чинов при сем не подлежит» [Там же, ст. 9, с. 654].

Тем не менее закон 1847 года разрешал проблему лишь частично. Во-первых, основой определения и закрепления религиозной принадлежности была установлена X ревизия (1857 год). В случае если ранее человек был записан православным, то его регистрация в число раскольников была невозможна. Во-вторых, незаконными и недействительными считались «...браки, заключенные между лицами, которые не принадлежат к расколу от рождения или состоят в браке, совершенном по правилам Православной Церкви» (то есть раскольники по факту в юридическом плане оставались православными прихожанами) [Там же, ст. 19 с. 655].

Для того чтобы ускорить решение раскольничьего и сектантского вопроса, в 1875 году Александром II был образован комитет под руководством

А. Б. Лобанова-Ростовского. Экспертом по делам раскола и сектантства был приглашен известный специалист в этой области П. И. Мельников. Одним из итогов работы новой комиссии стало создание классификации сект, в основу которой были положены исключительно гражданские критерии. В итоге предлагалось к более вредным сектам отнести изуверские, опасные в гражданском отношении — скопцов и хлыстов, а всех остальных наделить гражданскими правами [Смирнов, 1893, с. 226]. Сворачивание либеральных начинаний правительства, вызванное активизацией деятельности революционных народников, покушениями и гибелью императора Александра II, привело к тому, что идеи и рекомендации комиссии не получили практической реализации.

3.3. Реализация политики в отношении сектантов на территории Тобольской губернии

Действия местных светских и духовных властей второй четверти XIX века состояли в проведении административно-контрольных, полицейских, судебно-процессуальных и просветительно-уведомительных мероприятий. Важной составляющей правительственной политики на местах был сбор статистической информации о старообрядцах и сектантах, которая включалась в отчеты тобольских губернаторов и ежегодно отправлялась в МВД на протяжении 1836—1862 годов. В отличие от центральных губерний империи, Тобольская губерния, так же, как и другие, более отдаленные территории Сибири, была местом отбывания наказания ссыльных сектантов. В губернию ссылали представителей различных сект. Контроль за их пребыванием, а также статистический учет возлагался на органы местной полиции. Нагляднее всего эта область деятельности местных властей затронула последователей скопчества, относящихся к категории «особо вредных сект». В 1826 году появляются первые официальные данные о численности сектантов в Тобольской губернии. В тот период на территории Сибири находилось 14 скопцов [Варадинов, 1863, с. 167]. Со второй половины XIX века эта цифра постоянно увеличивалась ввиду массовых репрессий сектантов, для которых ссылка в Западную Сибирь являлась основным наказанием за соращение в раскол. В 1841 году на территории Тобольской губернии численность скопцов составила 109 человек. В 1855 году — 123 человека являлись представителями различных сект, из которых 119 состояли в секте скопцов. Наибольшее количество скопцов проживало в Ялуторовском, Ишимском, Березовском и Тобольском уездах, хлыстовщины — в Курганском и Тюменском уездах [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 31, д. 1307, л. 2 об, 30, 38—39]. Сведения о представителях различных сект собирались негласно до 1917 года [Там же, ф. И329, оп. 3, д. 54, л. 7—7 об]. Неуклонный рост численности скопцов явился следствием практики распределения местными властями ссылаемых, по 2—3 человека на волость, в места

проживания православного населения, и активной пропаганды сектантами своих взглядов с целью вовлечения новых адептов в свои сообщества. Так, в ходе следственных мероприятий и судебных процессов второй половины XIX века были открыты факты осклоплений мещан Тобольска В. и Д. Кузнецовых, совершенных в 1828 году трапезниками тобольской Воскресенской Захарьевской церкви А. Балахонцевым и Г. Дроздовым [РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 3684, л. 3—6 об].

В октябре 1858 года в Тобольске были получены «Наставления для руководства при исполнительных действиях и совещательных по делам, до раскола относящихся» [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. И329, оп. 5, д. 398]. Из документа видно, что неудачи в борьбе с сектантством в предыдущие периоды «происходят не от самой системы действий..., но от неточного и не правильного исполнения оной». «Наставления» должны были урегулировать совместные действия гражданского и духовного начальства для «искоренения раскольнических заблуждений». На нижней ступени борьбы с расколом ставилось духовенство, ограничивавшееся «кругом действий чисто духовных», а все полицейские распоряжения принадлежали гражданской власти. Причем отмечалось, что старообрядцы и сектанты, состоящие в расколе от рождения, не преследуются за мнение их о вере [Там же, д. 398, л. 2—6 об].

В 1860-е годы в Тобольской епархии была учреждена противораскольническая миссия. Однако результаты деятельности миссии явно не оправдали ожиданий. Нововведённая должность миссионера требовала крупных финансовых затрат и увеличила объем работы делопроизводства, но не привела к существенным переменам в борьбе с раскольниками. За время существования миссии были известны единичные случаи перехода из раскола в православие. В 1856 году противораскольническая миссия была закрыта [Суслова, 2002, с. 21].

В 1862 году молоканам города Мариинска Томской губернии были дарованы «временные» права. Если они принадлежали к сословию крестьян и не были сами сосланы в Сибирь на поселение, им разрешалось вместе с семьями записываться в мещане и купцы, получать паспорта и билеты для передвижения по территории Западной Сибири [ПСЗ РИ, 1862, т. XXXVII дополнение, № 39090д, с. 45]. 28 ноября 1863 года «временные» права молокан были распространены «на молокан всех городов Западной Сибири» на постоянной основе [ПСЗ РИ, 1863, т. XXXVIII, № 40327, с. 255]. До этого данные права распространялись лишь на молокан, проживающих на территории Закавказского края — являвшегося также как и Западная Сибирь, местом ссылки сектантов. Закон, вступивший в силу 5 апреля 1864 года, разрешал молоканам Минусинского округа Енисейской губернии для реализации своей продукции получать паспорта для отлучки

(на время до четырех месяцев). Характерной особенностью данных постановлений является то, что все они носили временный характер; чтобы воспользоваться правом на отлучку молоканам требовалось разрешение начальника губернии; во время отсутствия за ними должно было устанавливаться наблюдение полиции [ПСЗ РИ, 1864, т. XXXIX, № 40759, с. 325].

О послаблении контроля за сектантами, свидетельствуют материалы судебного дела, которое рассматривалось в 1863 году тобольским земским судом по предписанию Тобольского губернского правления [ГБУТО ГА г. Тобольске, ф. И464, оп. 1, д. 283]. Главное управление Западной Сибири потребовало данные о количестве раскольников из государственных крестьян. Выяснилось, что некоторые сектанты (скопцы) только числятся на бумаге в том или ином уезде, а сами находятся «в неизвестной отлучке» [Там же, д. 283, л. 3—4]. Несмотря на особенно строгое отношение гражданских и духовных властей к секте скопцов, тем не менее в рассматриваемый период перемещение их по Тобольскому региону не контролировалось. Прекращение преследований сектантов в 1850—1860-х годах привело к росту количества последователей рационалистического направления сектантства с 59 человек по данным за 1855 год до 140 человек в 1867 году [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И152, оп. 31, д. 1307, л. 38—39].

Таким образом, действия местных гражданских властей, направленные на борьбу с религиозной оппозицией, способствовали выявлению сектантских общин или отдельных ее представителей, но не смогли остановить процесс распространения сектантских и раскольнических вероучений среди жителей губернии.

4. Заключение = Conclusions

Анализ процесса формирования нормативной основы взаимоотношений государства и религиозного сектантства и ее реализации в Тобольской губернии позволил выделить три этапа правительственной политики по отношению к сектантам: отказ от преследования и применение либеральных мер в первой четверти XIX века; период ужесточения правительственной политики по отношению к старообрядцам и сектантам во второй четверти XIX века; поиск продуманных, лояльных по отношению к старообрядчеству и сектантству мер в третьей четверти XIX века.

Сложность и отсутствие постоянной организационной структуры как отдельных сект, так и сектантства как социально-религиозного феномена, динамизм вероучительных положений являлись внутренними объективными факторами того, что в рассматриваемый период не получили завершение классификация религиозного сектантства и процесс формирования системы взаимодействия светских и церковных властей по отношению

к сектантам как в центре, как и на местах. Трудности представлял сам факт отнесения к сектантству последователей некоторых сект (в частности, выявленного в 1820-х годах на территории Тобольской губернии скопчества), поскольку многие из них формально принадлежали к православию. Это обстоятельство существенным образом затрудняло и применение мер пресечения распространения их учения. Указы, принимаемые в этот период, не имели ограничительного, запретительного и тем более карающего характера. Большинство из них было нацелено на то, чтобы в той или иной степени вовлечь сектантов в общественную жизнь. Правительство пыталось учесть специфику регионов (Западная Сибирь, Закавказье), в которых находились ссыльные сектанты или их потомки. Постановления данного характера похожи на эксперимент, который в будущем (в 1883 году) должен был распространиться на раскольников по всей России.

Преследования сектантов второй четверти XIX века, учреждение и кратковременный период деятельности противосектантской миссии в Тобольской епархии в 1850-е годы не смогли остановить процесс возникновения новых сект и распространение уже существовавших. Не способствовал успехам правительственной политики, направленной на формирование единых мер в зависимости от характера вероучения, сложный характер религиозных взглядов сектантов. Выявленные источники свидетельствуют, что последователи хлыстовства и скопчества, стремясь избежать преследования, фиктивно состояли в официальном православии и посещали церковь.

В 1860—1870-х годах увеличению численности сектантов способствовала практика расселения сектантов, ссылаемых в Тобольскую губернию, рядом с православным населением, следствием чего явилось формирование крупных общин сектантов в Березовском, Тарском, Тобольском и Курганском уездах.

Реализация правительственных мер в отношении сектантов на местах возлагалась на уездные и губернские светские и церковные органы управления. При этом выявление и ведение противосектантских бесед с целью исправления отступивших от православия, по мысли законодателя, становились задачами приходского духовенства. Однако уровень образования для проведения такого рода бесед, невысокое материальное положение при обширности приходов не позволяли им в полной мере выполнять задачи по предотвращению распространения сектантства.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Бонч-Бруевич В. Д.* Животная книга духоборцев / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1909. — 370 с.
2. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.* — Ф. И152. Тобольское губернское правление. Оп. 3. Д. 54 ; Оп. 11. Д. 1052 ; Оп. 31. Д. 670, 1307 ; Оп. 32. Д. 51, 554 ; Оп. 35. Д. 846. Ф. И156. Тобольская духовная консистория. Оп. 11. Д. 1052, 1848 ; Оп. 27. Д. 1103 ; Оп. 29. Д. 2455. Ф. И329. Общее губернское правление. Оп. 3. Д. 54. Ф. И464. Тобольский земский суд. Оп. 1. Д. 283.
3. *Оболенский П. П.* Критический разбор вероисповедания русских сектантов-рационалистов : духоборцев, молокан и штундистов : с прил. сведений по истории рационалистических сект магистра богословия П. Оболенского / П. П. Оболенский. — 3-е изд., вновь пересмотр. и доп. — Казань : Типо-литография Университета, 1903. — 419 с.
4. ПСЗ РИ — *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание II (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.).
5. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов.* Ф. 1431. Дела местных судебных учреждений о старообрядцах и сектантах. Оп. 1. Д. 3709, 3913, 3914.
6. *Российское законодательство X—XX веков.* Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — 432 с.
7. *Соловьев Л.* Сведения о современном состоянии раскола в Тобольской епархии / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 19 — С. 497—498.
8. *Соловьев Л.* Четвертый всероссийский миссионерский съезд в Киеве 12—26 июня 1908 г. / Л. Соловьев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1909. — № 3. — С. 38—47.
9. *Списки населенных мест Российской империи,* составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1861—1885. — Выпуск 60. — CCLXXII. — 196 с.
10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных* // Российское законодательство X—XX веков. Законодательство первой половины XIX века. — Москва : Юридическая литература, 1988. — Т. 6. — С. 160—430.
11. *Устав о предупреждении и пресечении преступлений* // Свод законов Российской Империи. — Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. — Т. XIV. — С. 292—389.
12. *Южнорусский штундизм.* Исследование священника Арсения Рождественского / А. Рождественский. — Санкт-Петербург : Типография Департамента уделов, 1889. — 295 с.
13. *Ясевич-Бородаевская В. И.* Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов / В. И. Ясевич-Бородаевская. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. — 696 с.

Литература

1. *Берман А. Г.* Мистическое сектантство в Среднем Поволжье в XIX — первой половине XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 24.00.01 / А. Г. Берман. — Чебоксары, 2006. — 19 с.
2. *Бонч-Бруевич В. Д.* «Новый Израиль» / В. Д. Бонч-Бруевич. — Санкт-Петербург : Типография Б. М. Вольфа, 1911. — 485 с.

3. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков / Т. И. Буткевич. — Харьков : Типография губернского правления, 1910. — 608 с.
4. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел / Н. В. Варадинов. — Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1863. — Книга 8. — 667 с.
5. Гагарина И. Ю. Русское мистическое сектантство XVIII — начала XXI в. : исторический и социально-психологический аспекты : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. Ю. Гагарина. — Москва, 2011. — 191 с.
6. Далецкая В. Ю. Политика российского государства и церкви в отношении сектантов в XVIII—XIX веках : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. Ю. Далецкая. — Москва, 2005. — 16 с.
7. Ершова О. П. Старообрядчество и власть / О. П. Ершова. — Москва : Уникум-центр, 1996. — 203 с. — ISBN 5-7825-0055-7.
8. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.— 1917 г.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.
9. Кориков Д. Г. Государство, церковь и сектантство в России во второй половине XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Г. Кориков. — Челябинск, 2011. — 26 с.
10. Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве / Д. Г. Коновалов. — Сергиев Посад, 1908. — 258 с.
11. Мельников П. Ю. Правовое положение христианских сектантов Российской Империи во второй половине XIX века / П. Ю. Мельников. — Саратов : Издательство Саратовского университета (СГУ), 2006. — С. 126—133.
12. Надеждин Н. И. Исследование о скопческой ереси / Н. И. Надеждин ; предисл. В. И. Кельсиева. — Изд. 2-е. — Москва : URSS, 2012. — 347 с. — ISBN 978-5-397-02968-1.
13. Никольский Н. М. История Русской церкви / Н. М. Никольский. — Изд. 3-е. — Москва : Политиздат, 1983. — 448 с.
14. Новицкий О. П. Духоборцы, их история и вероучение / О. П. Новицкий. — Изд. 2-е. — Киев : Унив. тип. (И. Завадзкого), 1882. — 282 с.
15. Оленич Т. С. Трансформация русского религиозного сектантства : философско-культурологический анализ : автореферат диссертации ... доктора философских наук : 09.00.13 / Т. С. Оленич. — Ростов-на-Дону, 2005. — 44 с.
16. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни / А. С. Пругавин. — Москва : Типография Товарищества И. Д. Сытина 1905. — 95 с.
17. Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства / А. С. Пругавин. — Москва : Посредник, 1906. — 252 с.
18. Римский С. В. Церковная реформа Александра II / С. В. Римский // Вопросы истории. — 1996. — № 4. — С. 32—48.
19. Розанов В. В. Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы) / В. В. Розанов. — Санкт-Петербург : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1914. — 207 с.
20. Смирнов П. С. История раскола русского старообрядчества / П. С. Смирнов. — Рязань : Типография В. О. Тарасова, 1893. — 275 с.
21. Суслова Л. Н. Проблемы классификации и типологии сект (по материалам Тобольской губернии второй половины XIX — начала XX вв.) / Л. Н. Суслова, В. И. Зво-рыгина, И. В. Яркова // Научный диалог. — 2017. — № 3. — С. 202—214.
22. Суслова Л. Н. Старообрядчество и власти в Тобольской губернии в конце XVIII — начале XIX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Л. Н. Суслова. — Екатеринбург, 2002. — 24 с.

23. Тонконогов А. В. Сектантство как социальный феномен (исследование в среде осуждённых к лишению свободы) : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.11 / А. В. Тонконогов. — Москва, 2004. — 22 с.

24. Шорец Г. Сектантство в Тюкалинском уезде Тобольской губернии / Г. Шорец // Тобольские епархиальные ведомости. — 1915. — № 44. — С. 698—706.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024,
одобрена после рецензирования 02.06.2024,
подготовлена к публикации 15.06.2024.

Material resources

- Bonch-Bruevich, V. D. (1909). *Animal book of dukhobortsev*. St. Petersburg: [b. i.]. 370 p. (In Russ.).
- GBUTO GA in Tobolsk — *The State budgetary institution of the Tyumen region, the State Archive in Tobolsk*. (In Russ.).
- Lists of populated places of the Russian Empire, compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs*, 60. (1861—1885). St. Petersburg: Publishing House of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 196 p. (In Russ.).
- Obolensky, P. P. (1903). *A critical analysis of the religion of Russian sectarian rationalists: dukhobortsev, Molokans and shtundists: with an appendix of information on the history of rationalist sects of the Master of theology P. Obolensky*. Kazan: Typo-lithography of the University. 419 p. (In Russ.).
- PSZ RI — *The complete collection of laws of the Russian Empire. Assembly II (from December 12, 1825 to February 28, 1881)*. (In Russ.).
- RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1431. Cases of local judicial institutions on Old Believers and sectarians*. (In Russ.).
- Russian legislation of the X—XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century*, 6. (1988). Moscow: Legal Literature. 432 p. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). Information on the current state of the schism in the Tobolsk diocese. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 19: 497—498. (In Russ.).
- Solovyov, L. (1909). The fourth All-Russian Missionary Congress in Kiev on June 12—26, 1908. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 3: 38—47. (In Russ.).
- South Russian Stundism. The study of the priest Arseny Rozhdestvensky*. (1889). St. Petersburg: Printing House of the Department of Estates. 295 p. (In Russ.).
- The Code of Criminal and correctional punishments. (1988). In: *Russian legislation of the X—XX centuries. Legislation of the first half of the XIX century*, 6. Moscow: Legal Literature. 160—430. (In Russ.).
- The Statute on the Prevention and Suppression of Crimes. (1857). In: *The Code of Laws of the Russian Empire, XIV*. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 292—389. (In Russ.).
- Yasevich-Borodaevskaya, V. I. (1912). *The struggle for faith. Historical and everyday essays and a review of legislation on Old Believers and sectarianism in its consistent development with the application of articles of the law and the highest decrees*. St. Petersburg: State Printing House. 696 p. (In Russ.).

References

- Berman, A. G. (2006). *Mystical sectarianism in the Middle Volga region in the XIX—first half of the XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Cheboksary. 19 p. (In Russ.).
- Bonch-Bruevich, V. D. (1911). *"New Israel"*. St. Petersburg: Printing house of B. M. Wolf. 485 p. (In Russ.).
- Butkevich, T. I. (1910). *Review of Russian sects and their interpretations*. Kharkov: Printing house of the provincial government. 608 p. (In Russ.).
- Daletskaya, V. Yu. (2005). *The policy of the Russian state and the Church in relation to sectarians in the XIII—XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).
- Gagarina, I. Y. (2011). *Russian mystical sectarianism of the XVIII — early XXI century: historical and socio-psychological aspects*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 191 p. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *History of religious sectarianism in Russia (60s of the XIX century — 1917)*. Moscow: Nauka. 348 p. (In Russ.).
- Konovalov, D. G. (1908). *Religious ecstasy in Russian mystical sectarianism*. Sergiev Posad. 258 p. (In Russ.).
- Korikov, D. G. (2011). *The state, the church and sectarianism in Russia in the second half of the XIX — early XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 26 p. (In Russ.).
- Melnikov, P. Yu. (2006). *The legal status of Christian sectarians of the Russian Empire in the second half of the XIX century*. Saratov: Saratov University Press (SSU). 126—133. (In Russ.).
- Nadezhdin, N. I. (2012). *Research on the Catholic heresy. 2nd edition*. Moscow: URSS. 347 p. ISBN 978-5-397-02968-1. (In Russ.).
- Nikolsky, N. M. (1983). *History of the Russian Church. 3rd edition*. Moscow: Politizdat. 448 p. (In Russ.).
- Novitsky, O. P. (1882). *Dukhobortsy, their history and doctrine. 2nd edition*. Kiev: Univ. type (I. Zavadzky). 282 p. (In Russ.).
- Olenich, T. S. (2005). *Transformation of Russian religious sectarianism: philosophical and cultural analysis*. Author's abstract of Doct. Diss. Russian Federation, Rostov-on-Don. 44 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1906). *Religious renegades. Essays on modern sectarianism*. Moscow: Intermediary. 252 p. (In Russ.).
- Prugavin, A. S. (1905). *Schism and sectarianism in Russian folk life*. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership. 95 p. (In Russ.).
- Rimsky, S. V. (1996). The Church reform of Alexander II. *Questions of history*, 4: 32—48. (In Russ.).
- Rozanov, V. V. (1914). *The Apocalyptic sect (khlsty and skoptsy)*. St. Petersburg: Printing House F. Weisberg and P. Gershunin. 207 p. (In Russ.).
- Shorets. (1915). Sectarianism in Tyukalinsky district of Tobolsk province. *Tobolsk Diocesan Gazette*, 44: 698—706. (In Russ.).
- Smirnov, P. S. (1893). *The history of the split of the Russian Old Believers*. Ryazan: V. O. Tarasov Printing House. 275 p. (In Russ.).
- Suslova, L. N. (2002). *Old Believers and the authorities in the Tobolsk province at the end of the XVIII — early XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 24 p. (In Russ.).

- Suslova, L. N., Zvorygina, V. I., Yarkova, I. V. (2017). Problems of Sects Classification and Typology (on Materials of Tobolsk Governorate of the Second Half of XIX — Early XX Century). *Nauchnyi dialog*, 3: 202—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-202-214. (In Russ.).
- Tonkonogov, A. V. (2004). *Sectarianism as a social phenomenon (research among those sentenced to imprisonment)*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 22 p. (In Russ.).
- Varadinov, N. V. (1863). *History of the Ministry of Internal Affairs*, 8. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 667 p. (In Russ.).
- Yershova, O. P. (1996). *Old Believers and power*. Moscow: Unique Center. 203 p. ISBN 5-7825-0055-7. (In Russ.).

*The article was submitted 03.04.2024;
approved after reviewing 02.06.2024;
accepted for publication 15.06.2024.*